

Это стало одной из последних капель, переполнивших чашу терпения князя Нина и подтолкнувших его двинуть войска на север.

Поэтому Лу Цзыяо был морально готов: если при посещении дворца Цинцун ему повезёт увидеть си-фэй, насколько бы прекрасной она ни была, нельзя ротозейничать. Лучше вообще не поднимать глаз, чтобы не давать князю Нину повода затаить обиду и подумать, будто он зарится на красоту си-фэй.

— Какая наивность! — не поверил Цинхэ. — Ты в тот день оскорбил седьмого принца, и Император велел нам прийти с извинениями — это же прямой поводок дать си-фэй возможность устроить над нами расправу! Разве она нас пощадит?

Лу Цзыяо пал духом.

Он наконец осознал: хотя сюжет этого романа про Лун Аотяня был совершенно нелогичен в угоду зрелищности, а злодеи при чтении казались безнадёжными дураками, на самом деле за пределами описанных сцен мир функционировал вполне нормально, и пушечное мясо обладало вполне обычным интеллектом.

Лу Цзыяо и сам был обычным человеком и вовсе не мог свысока давить интеллектом местных жителей.

Взять хоть этого компаньона Цинхэ — на вид ему от силы лет двенадцать-тринадцать, а по речи, манерам и изворотливости он уже был куда взрослее самого Лу Цзыяо в том же возрасте.

Одно лишь его небрежное «ты в тот день оскорбил седьмого принца» — и вся вина уже ловко переложена на Лу Цзыяо!

Лу Цзыяо, разумеется, не собирался брать всё на себя и с мрачным видом произнёс:

— Тот случай... пусть даже я первым подал идею, но не поддаки вы мне и не подбей на это, ничего бы не вышло.

Цинхэ переменился в лице, всплеснул руками и в сердцах запричитал:

— Да я и сам не пойму, какое дурман-зелье тогда заглотил! Как я вообще дерзнул покуситься на седьмого принца! Как вспомню... эх! Но в конце концов, кашу заварил ты!

Он стиснул зубы, топнул ногой и, ткнув в Лу Цзыяо перемотанной бинтом рукой, со злостью выдал:

— Каждый сам отвечает за свои поступки! Я за тебя уже отгрёб порцию палок и вторую просто не переживу. Так что во дворец Цинцун отправляйся-ка ты сам!

Лу Цзыяо не знал, смеяться ему или плакать, особенно над фразой «какое дурман-зелье заглотил».

Да просто автор ради сцены утирания носов насильно урезал вам, пушечному мясу, уровень интеллекта!

Заметив, что тот молчит, а на лице у него играет странная улыбка, Цинхэ перепугался, как бы тот не пошёл напролом и не потащил его за собой, и тут же сбавил тон. Баюкая раненую руку, он вздохнул:

— Да и к тому же я косноязычен. Пойду с тобой — не то что не помогу, а ещё и помешаю...

— Ладно, — перебил его Лу Цзыяо и улыбнулся. — Я понял, что ты имеешь в виду, брат. Беду мы навлекли вместе, так что разделить ответственность поровну — вполне справедливо. Что касается извинений, я схожу один.

Идти вместе с Цинхэ действительно могло навлечь лишние неприятности. Каким бы не по годам развитым тот ни был, он всё ещё оставался ребёнком — одному идти надёжнее.

Однако расставить точки над «i» следовало сразу. Лу Цзыяо намеренно подчеркнул фразу «беду мы навлекли вместе»: на этот раз он берёт извинения на себя, и они в расчёте — так что нечего больше помыкать им, прикрываясь долгом за снос палочных ударов.

Услышав это, Цинхэ мгновенно сменил гнев на милость и состряпал обеспокоенное выражение лица:

— Ну, тогда тебе придётся потрудиться.

Лу Цзыяо ответил:

— О трудах речи нет. Вот только идти извиняться с пустыми руками — дело рискованное. Если не подготовить запасной план, вся эта поездка оборачивается гарантированной поркой, а через пять дней нас обоих ещё и лишат статуса компаньона.

Цинхэ только и думал о том, как бы избежать порки, и не ожидал, что этот юный брат уже просчитал ситуацию на шаг вперёд. Он невольно восхитился:

— А ты проницателен! Раз уж дарить подарок, то мы, братья, конечно, должны скинуться и приготовить хотя бы что-то, что придётся по душе её высочеству.

Лу Цзыяо отмахнулся:

— Си-фэй каждый день получает пожалования от Императора. Разве соберём мы подарок, который сможет её впечатлить? Лучше действовать точно. Я думаю пообещать прямо седьмому принцу: за три дня починить игрушечную лошадку и вернуть её в прежнем виде! Да вдобавок подарить какую-нибудь мелкую диковинку. Возможно, тогда нам удастся пройти это испытание.

Глаза Цинхэ засияли: он только сейчас сообразил, что убажить маленького седьмого принца куда проще, чем си-фэй. Стоит маленькому принцу остаться довольным, как обиды тут же растают.

Починка лошадки, без сомнения, была самым экономным и простым выходом. Подумав об этом, он не удержался от похвалы в адрес Лу Цзыяо.

Однако Лу Цзыяо продолжил:

— Деревянная лошадка — вещь громоздкая. Чтобы вывезти её из дворца на починку, придётся потратиться на взятки. Поэтому я планирую попросить о помощи мастеров из Ведомства внутренних дел. Я помню, у тебя там вроде бы есть хороший знакомый?

Цинхэ тут же отозвался:

— Это пара пустяков! Как вынесешь лошадку, я отведу тебя к своему приятелю из Ведомства

внутренних дел, стоит только замолвить слово!

Условившись об этом, они попрощались и разошлись.

Во второй половине дня Лу Цзыяо в одиночку отправился во дворец Цинцун.

Евнух вошёл доложить служанке, и, узнав, что это присланный Императором компаньон для принесения извинений, его впустили.

Лу Цзыяо провели в гостиную ждать, но си-фэй так и не показалась.

Похоже, эта юная фея действительно отличалась великодушием и вовсе не приняла всё близко к сердцу.

И почему только князь Нин не унаследовал матушкино великодушие?

Минут через десять служанка принесла седьмого принца и усадила его в кресло с широкими подлокотниками в самом центре гостиной. Лу Цзыяо тут же склонился в глубоком поклоне.

Служанка произнесла, обращаясь к седьмому принцу:

— Ваше высочество, Император велел этому мерзавцу прийти и принести вам извинения.

На лбу Лу Цзыяо вздулась вена!

Эта служанка вообще умеет разговаривать? Оформила всё так, будто не прикажи Император, он бы и не подумал извиняться! Неужели она думает, что он не дорожит своими ушами и хвостом?!

Но это был дворец Цинцун, а он — всего лишь компаньон, так что пререкаться было не к месту, пришлось терпеть.

В комнате царила полная тишина.

Сердце Лу Цзыяо заколотилось чаще. Опустив голову, он стоял перед седьмым принцем и не знал, стоит ли сначала отбить поклон, поэтому лишь осторожно исподлобья взглянул на выражение лица седьмого принца.

Пухлое, словно булочка, личико седьмого принца не выражало абсолютно ничего. Маленькое тельце неподвижно восседало в кресле, а глаза были слегка прикрыты, будто он размышлял о государственных делах.

Секунда, две, три...

Седьмой принц качнулся вперёд и едва не вывалился из кресла — к счастью, служанка вовремя подхватила его!

Служанка поспешно потерела пухлые щёчки седьмого принца и тихо шепнула:

— Ваше высочество, не спите! Тот плохой человек пришёл просить у вас прощения!

Лу Цзыяо: «...»

Оказывается, он пришёл не вовремя и разбудил маленького принца во время дневного сна. Тот

ещё не успел окончательно проснуться и клевал носом прямо в кресле.

Он учёл лишь то, что у древних обычно не было привычки спать днём, но совершенно не подумал о малом возрасте маленького принца.

Уходить было поздно: детёныша Лун Аотяня уже растормошили.

Щёчки седьмого принца от растирания порозовели, а янтарно-чайные глазки прояснились. Он широко распахнул их, оглядываясь вокруг, словно только осознав, что проснулся, и в конце концов его взгляд замер на Лу Цзыяо посреди зала.

— Этот мерзавец... — служанка собралась было представить его снова, как вдруг губки седьмого принца мгновенно вытянулись в трубочку!

Его высочество узнал его!

Это же тот самый злодей, что разбил его деревянную лошадку!

Лу Цзыяо мгновенно ощутил, как на него нахлынула волна властной, почти осязаемой ауры владыки!

Похоже, непререкаемая аура Лун Аотяня из романов действительно существовала!

Он даже немного заикнулся от испуга, но, к счастью, заранее заготовил речь. Склонившись, он с заискивающей улыбкой произнёс:

— Ваше высочество, не извольте гневаться, дабы не навредить здоровью. Ничтожный слуга знает, что искупить его вину невозможно, но смеет просить лишь о шансе хоть немного загладить её. Я нарочно раздобыл у торговцев из Цзяннани одну любопытную диковинку и надеюсь, она придётся вашему высочеству по душе.

С этими словами он вытащил из рукава маленькую ветряную мельничку и дунул на неё, отчего лопасти весело закружились.

Седьмой принц без единой эмоции смотрел на ветряную мельничку в руках Лу Цзыяо, как вдруг поднял пухлую ручку и похлопал по пустому месту рядом с собой.

Служанка тут же пояснила:

— Его высочество приказывает тебе подойти и показать, как с этим играть.

Лу Цзыяо обрадовался: похоже, сработало.

И впрямь, в сценах, о которых не упоминалось в романе, персонажи вели себя вполне естественно. Пусть этот трёхлетний малыш и был будущим сокрушителем небес Лун Аотянем, прямо сейчас в нём не было ничего сверхъестественного: он, как и любой обычный ребёнок, любил забавные игрушки.

Так дело пойдёт куда проще.

Лу Цзыяо подошёл к седьмому принцу, но не посмел сесть рядом. Он лишь пригнулся и стал плавно двигать ветряную мельничку взад и вперёд, заставляя вертушку крутиться.

Седьмой принц протянул пухлую ручку, забрал мельничку и опустил голову, принявшись с

большим усердием её разглядывать. Однако на его пухлом личике по-прежнему не отражалось ни единой эмоции.

Лу Цзыяо заподозрил, что тот всё ещё не окончательно проснулся. И надо же было прийти в такое нескладное время!

Видя, что её высочеству понравилась игрушка, служанка велела подать чай и сладости, чтобы угостить Лу Цзыяо.

Не ожидая, что всё пройдёт так гладко, Лу Цзыяо тихо радовался про себя, как вдруг боковым зрением заметил, что седьмой принц повернул голову и, кажется, пристально разглядывает его уши.

Инстинкт самосохранения заставил Лу Цзыяо мгновенно закрыть уши руками. Встревоженно оглянувшись на детёныша Лун Аотяня, он искательно улыбнулся:

— Ваше высочество, вам нравится мельничка?

Седьмой принц ничего не ответил. Он лишь приковал к нему взгляд своих красивых чайных глаз, а затем внезапно открыл рот в буковке «а» и замер.

Лу Цзыяо застыл в полном недоумении.

<http://bllate.org/book/18379/1766773>